

Поэзия — это власть.
О. Мандельштам (в разговоре)

Тугульды — улыды*.
Восточное выражение

* Жил — умер (*тюркск.*).

Часть первая

В купе было душно, с нижней полки доносился стариковский храп, он отчаялся уснуть и безнадежно ворочался, подолгу глядя в окно, где над уносящимися тёмными пространствами парила полная луна, и в памяти снова и снова возникал подстрочник стихов, которые ему предстояло перевести: «...Истошно крича, надрываясь, сбивая ритм чугунного сердца, скрипя железными сухожилиями, поезд летит по тоннелю, прорытому в глухой ночи, к сияющей в далёком конце раскалённой луне». Олег так и этак поворачивал длинную негнущуюся фразу, пытаясь вместить её в размер, и думал о том, что автору этих строк, кажется, тоже случилось переживать бессонную ночь в вагоне. Он, правда, путешествовал не в тесном купе, как его переводчик (один из десятков, разбросанных по всему миру... Сколько их ломает этой ночью голову над его стихами?), и даже не в кондиционированном

СВ. У него, как и Олег Печигин, не переносившего самолётов, был для дальних поездок собственный специально оборудованный поезд.

Днём пейзаж за окном был таким однообразным, что казалось, поезд часами движется на месте. Серо-зелёную плоскость степи, на протяжении многих километров огороженную зачем-то колючей проволокой, изредка нарушали похожие на игрушечные городки мусульманские кладбища, гораздо более яркие, чем настоящие города и посёлки, тусклые от пыли. Смуглые люди на переездах и перронах небольших станций выглядели так, точно простояли всю жизнь под палящим солнцем в ожидании поезда, который остановится у их платформы, но ни один ни разу не остановился, и всё-таки они не уходили, глядя прищуренными глазами на очередной проходящий состав с привычной обречённостью, прикованные к месту остатками неистребимой надежды. Однажды Олег увидел посреди пустой степи одинокого человека, изо всех сил махавшего на ходу руками. Олег наблюдал за ним, пока тот не исчез из вида, но так и не смог понять, зачем он это делал: подавал знаки кому-то невидимому или стремился привлечь к себе внимание пассажиров поезда, чтобы остаться в их памяти?

В купе только старик коштыр с нижней полки неотрывно смотрел в окно, чему-то постоянно улыбаясь, точно пустота пространства, его количество или само по себе движение поезда, отбрасываю-

щее назад эти бесконечные степи, доставляли ему удовольствие. Глядя на него, Олег вспомнил, какой радостью был в детстве первый летний выезд из города на дачу, долгое путешествие на электричке, когда он намертво прилипал к окну (чем дальше они ехали на юг, тем больше всплывало в сознании давно забытое, точно по мере того, как становилось всё теплее, оттаивали глубокие слои памяти), — возможно, в таком же блаженстве пребывал сейчас седой морщинистый коштыр, аккуратно поставивший под стол пару сапог, обутых в калоши. Поддерживать это состояние помогал ему напиток из резко пахнувшего спирта в заткнутой самодельной пробкой бутылке и кефира, смешиваемый в железной кружке. Сделав несколько глотков, он включал погромче заунывную, под стать проплывающим пейзажам, музыку по радио и начинал тихонько подпевать отдающим в нос голосом, мерно раскачиваясь в такт, как, должно быть, раскачивался между верблюжьих горбов его предок во главе каравана, идущего по Великому шёлковому пути. Заметив любопытство Олега к напитку, старик предложил ему попробовать. Печигин сперва отказался, потом решил рискнуть, подумав, что, войдя во вкус питья, он, может быть, поймёт, чему улыбается глядящий в окно старик, что он там видит такого, что бескрайняя тусклая равнина ему не надоедает. И действительно, Олегу скоро сделалось уютно в тесном купе, радиомузыка вместе со стуком колёс укачивали его, а пыль на грязном окне всё отчётливее обретала в косых солнечных лучах объёмы и формы,

полупрозрачные и сияющие. Оставалось ещё немного прищуриться, изменить угол зрения, и он схватил бы их ускользящий рисунок, разгадал их секрет и постиг бы связь между улыбкой старика и уносящейся пустотой степи, но тут в животе у него так взбурлило, что он едва успел добежать до туалета. Этим не кончилось, до вечера его пронесло ещё трижды, и только к ночи, когда он уже был вконец измочален и опустошён, желудок успокоился. После этого он смотрел на старика совсем другими глазами, уверенный, что органы пищеварения, а скорее всего, и прочие внутренности устроены у того абсолютно иначе, поэтому гадать, чему он улыбался, глядя в окно, бесполезно. Может, у него и зрение иное, и в проплывающей мимо степи он видит то, чего Печигину вовек не различить...

Столь же безрезультатным оказалось наблюдение и за двумя другими соседями по купе. (Попутчики были первыми коштырами, которых он мог рассматривать без помех, тем более что заняться ему всё равно было нечем: от бессонной ночи у него болела голова, и заставить себя заснуть за перевод он не мог.) Женщина лет тридцати пяти бесконечно шла из лоскутов, которых у неё был с собой целый баул, покрывало и была так поглощена своим занятием, точно больше ничего в целом мире для неё не существовало. Она была красива тяжёлой восточной красотой, с тёмными глазами на загорелом лице и заметным следом полустёртой линии, соединявшей над переносицей густые брови, но держалась так, что Олегу казалось невоз-

можным вообразить даже самую отдалённую степень близости с ней. Не то чтобы она совсем не замечала его и второго мужчину в купе, она даже предложила им свою еду («Кушайте! Почему не кушаете?!»), но при этом они, похоже, были ей не интереснее чемоданов и сумок на полках для ручной клади. На свой счёт, по крайней мере, Печигин был уверен. За всю дорогу он ни разу не встретился с ней взглядом, не соприкоснулся в тесноте, не почувствовал ни малейшего с её стороны любопытства. Правда, ближе к концу пути он заподозрил, что, возможно, ошибается, принимая за безразличие очень хорошо скрытое внимание — чтобы так последовательно избегать любого прикосновения, нужно постоянно быть начеку, всё время помнить о тех, кто заперт вместе с тобой в коробке купе. Но даже если это и было так, никаких подтверждений Олегу заметить не удалось. Женщина почти не поднимала глаз от своего шитья, и оставалось предположить, что она держит спутников в поле наблюдения какого-то неизвестного Печигину органа восприятия.

Третьим был мужчина под сорок со скуластым смуглым лицом, словно составленным из одних прямых углов. В движениях его тоже присутствовала заметная прямоугольность, и, когда он поворачивался на своей верхней полке, казалось, только из-за стука колёс не слышно скрипа этих углов, притирающихся друг к другу. Он почти всё время читал книгу на неизвестном Олегу языке и ни разу не сказал ему ни слова, из чего Печигин сделал вы-

вод, что он, скорее всего, вообще не говорит по-русски. С соплеменниками мужчина изредка общался короткими фразами, звучавшими на слух Олега так, точно они были записаны на плёнку, прокрученную в обратную сторону. Старик и женщина что-то ему отвечали, и уже на второй день пути между всеми тремя установилось такое полное понимание, словно они выросли в одном селе. Каждый был занят своим делом, никто никому не мешал и не навязывался, места всем хватало. А непричастный к этому дорожному уюту Печигин спрашивал себя, не едет ли он в края, где иногда возникавшее раньше ощущение, будто всё, что есть у него общего с окружающими, ограничивается поверхностным видовым сходством, станет неоспоримым фактом.

На третий день степи кончились, пошли пески. Их мёртвое жёлтое море медленно закручивалось муторным водоворотом, вращавшимся со скоростью движения поезда. Кое-где над барханами, как мачты затонувших среди песчаных волн кораблей, торчали геодезические вышки. Вдалеке, мельче мух на скатерти стола, иногда появлялись и исчезали верблюды. Привыкший к городу, Олег с удивлением смотрел на этот оцепеневший под солнцем простор, не предназначенный для человека. С лица подолгу глядевшего в окно старого коштыра незаметно сползла улыбка: пустыня была не шуткой. Он по-прежнему смешивал себе по нескольку раз в день свой жуткий напиток из спирта

с кефиром, но спирта, показалось Олегу, наливал теперь больше. Может быть, поэтому между ними завязался наконец разговор.

— Много... — сказал старик как будто с гордостью за пустыню, — много песка!

Олег кивнул. Старик заговорил о водохранилище, вырытом среди пустыни по прямому распоряжению президента (Народного Вожатого — так он его назвал). Оно было недавно закончено и теперь открыто для всех. Сам старик там не был, но видел по телевизору.

— Очень большое! Настоящее море!

По нему даже плавали яхты, включая новую трёхпалубную яхту самого Народного Вожатого — её тоже показали по телевизору. Со временем старик собирался непременно поехать на водохранилище, вода в котором, уверяли, целебная, потому что заполняется из источников, бьющих чуть ли не из самого центра Земли. Оставалось скопить денег на поездку. (Дорогу в Москву и обратно ему оплатил сын, водивший в русской столице маршрутку.) Олег спросил, сколько старик получает. Оказалось, что его пенсия в пересчёте на доллары не дотягивает до тридцати, поэтому он ещё торгует козинаками и семечками возле рынка и в хорошие дни имеет до доллара за день. Об этом приработке старик говорил, хвастаясь: мол, не каждому так удаётся. Нужных документов для торговли у него не было, поэтому милиция его то и дело прогоняла.

— Пустяки всё. Мне денег много не надо. Это молодым рестораны нужны, а я сухофруктами

питаюсь — они знаешь какие сытные? С утра пожевал — и до вечера есть не хочешь. Их пастухи с собой берут, когда на целый день со стадами уходят. И полезные. А от масла и сметаны вред один. Свет, газ, вода и соль у нас, спасибо Народному Вожатому, бесплатные, так что у меня остаётся ещё.

— Я читал, что у вас предприятия закрываются, производство по всей стране стоит и работы нигде нет.

— Работы нет для тех, кто работать не хочет. У нас в районе работы сколько угодно — бери землю в аренду, обрабатывай. Только тяжело это, нынешние молодые к такому не привыкли.

— Они, я слышал, в другие страны на заработки едут: кто в Россию, кто в Казахстан, самые ловкие — в Европу.

— Пусть себе едут, на то они и молодые... На мир поглядеть хотят. Никто ж их не держит.

— А ещё я слышал, что прошлой зимой у вас были такие холода, что десятки людей насмерть замёрзли.

— Да, — старик кивнул, по-прежнему пристально глядя в окно на пески, — Аллах холодную зиму дал, давно такой не было. Но чтобы кто-то замёрз, я не слышал. Сгоревшие были. Разведут на полу костёр греться — и уснут возле него. Дом дотла и сгорит. Было.

— Ещё у нас сообщали, будто ваш президент давно болеет, пошли даже слухи, что он уже умер, но это скрывается.

Старик замотал головой с такой уверенностью, точно президент в принципе не мог умереть, был бессмертен.

— Болел, да, но потом Народный Вожатый совершил паломничество по нашим святым местам. Все святые места объехал, и всем поклонился, и после этого выздоровел.

— А стихи его вы читали?

Старик оторвался от созерцания пустыни и впервые остановившимся взглядом поглядел на Печигина.

— Может быть, по радио слышали? Вы вообще знаете, что ваш Народный Вожатый — ещё и поэт, чьи книги выходят огромными тиражами и продаются, мне рассказывали, в каждом киоске?

— Конечно, — торопливо закивал старик, — Народный Вожатый — великий поэт!

— У меня договор на перевод его стихов на русский. Его заключил со мной Тимур Касымов — вы его, возможно, знаете. Может быть, я даже буду с ним встречаться — то есть не с Тимуром, с ним-то само собой, а с вашим президентом. По крайней мере, Тимур обещал, что постарается устроить мне встречу.

Олег говорил, обращаясь к старику, но рассчитывая при этом привлечь внимание занятой шитьём женщины. И она действительно оторвалась от своего рукоделия.

— Касымов — это тот, который по телевизору?

— Да, он работает на телевидении, часто выступает с комментариями. Я-то сам, конечно, не ви-